

Ирина ГОРЮНОВА

- Николай! Будучи знакомой с тобой и твоими книгами и зная, что ты всегда называешь вещи своими именами, я тем не менее не согласна с твоим утверждением, что вся жизнь - насилие. Прочитав твой новый роман, я не верю, что ты так считаешь.

- Это жизнь так считает. Ты водишь автомобиль?

- Нет.

- Водить машину можно научить и зайца, но есть люди, которые предрасположены к вождению автомобилей. И если ты спросишь у человека, который хорошо водит машину, как этому научиться, он тебе ответит: «Не надо учиться, машина сама тебя ведет, она диктует, когда переключить скорость, как повернуть руль...» Так же и жизнь. Она тоже ведет за собой. И тот, кто много думает о ней, приходит к тому же выводу, к которому пришел Ницше, - каждый человек, хочет он того или нет, всегда отвоёвывает себе жизненное пространство, то есть им движет воля к власти. И, отвоёвывая это пространство, он непременно совершает насилие.

- Но как согласиться с тем, что (цитата из твоего интервью): «Отличник совершает насилие над другими учениками. И оно - еще более страшное, чем если бы он просто убил своих нерадивых одноклассников. Потому что, доказывая второстепенность последних, он делает их неполноценными». Как этот тезис стыкуется со сказанным тобой же, что зависть движет людьми, что она, как топливо для двигателя?

- В том-то и дело, что в примере с отличником нет механизма зависти. К сожалению, далеко не все завидуют, чтобы победить. Посмотри на улицу. Если бы эти люди задирали, чтобы победить, они бы стали другими. Вообще надо определиться с терминами. Для меня зависть - это движущая сила неординарного человека. А чем я хуже? Вот тот вопрос, который все время задает себе такой человек. Мало кто из тех, кого мы увидим, сейчас выглянув в окно, задает себе такой вопрос. Они ничего не делают, чтобы стать лучше.

- Сравнивая два твоих романа - «Силуэт в окне напротив» и новый - «Голодные призраки», удивляешься, сколь различен метод повествования. Почти полное отсутствие внешней динамики и действия, обилие описательности и самокопания героев в «Силуэте» и стремительное развитие событий, их непредсказуемость, абсолютно неожиданные повороты сюжета и его острота в «Призраках». Это случайность или намеренный писательский ход? Вообще ты думаешь о читателях, когда пишешь? Ты задаешься вопросом: кто он, твой читатель?

- Конечно, нет. Писателями движут совсем иные механизмы. Что движет человеком, который садится, ложится или встает за конторку, чтобы писать? Могу тебе сказать, что 90 проц. бывших советских писателей писали потому, что ими дегалила давняя вещь - желание увидеть растрепанной свою фамилию и таким образом прославиться. А также обогатиться. Ведь раньше, по-

лучив за книжку 10 тысяч, можно было два года безбедно жить. Сегодня иная ситуация. Людей, которые писали ради обогащения и амбиций, стало чуть меньше. Хотя традиции сильнее.

Вообще же настоящий литератор просто не может иначе. Он пишет, потому что должен писать. Это самая настоящая мания.

Графомания. Мы привыкли, что слово «графомания» применяют к тем, кто много и плохо пишет. Но на самом деле все настоящие писатели - графоманы. Потому что они ощущают комфорт жизни во второй половине дня, только если в первой что-то написали.

- Как же ты стал графоманом?

- Закончил журфак, затем работал в милиции, потом в газете, и все время меня грызла изнутри одна мысль: жизнь идет, а я не делаю чего-то главного. Вроде бы все было - профессия, романтика, опасность. Мчишься по ночному городу - это когда в милиции работал - пистолет на боку, ты - старший дежурный группы, рядом - следователь, эксперт, шофер, кинолог, ты ими командуешь. Ты - спаситель, кайф - ломовой... Засада, задержание, допрос. Злодея головой об стол, раскололи, оформил документы. Сдали бандита в изолятор, а теперь можно и по стакану - кайф. Но, черт, при этом кайфе опять чего-то главного не хватает. Помню, в милиции, когда работал, сел за машинку и написал рассказик. Легче стало. Сам вижу - рассказик так себе. Написал другой, третий. Это было в начале 80-х. И, наконец, в 1984 г. написал свою первую повесть «Без злого умысла». Эта достаточно наивная книжка вызвала в то время резонанс, потому что тогда еще никто не смел сказать, что работник милиции как-то не так себя ведет.

- В начале своего творчества ты, наверное, много читал детективов. Были ли у тебя любимые авторы, которые оказали на тебя влияние и на которых ты стремишься походить?

- Нет, пожалуй. Хотя читал я действительно много. Может быть, первое время я и был похож на всех детективщиков сразу. Я имею в виду прежде всего компоновку сюжета. Но я читал не только детективы. Я много внимания уделял и нашей замечательной классике.

- Я знаю, ты весьма категорично относишься к творчеству многих русских классиков - Л.Толстого, Достоевского, Гоголя, Горького, Салтыкова-Щедрина, потому что считаешь, что они «слишком заботились о своей непорочности». Ты называешь их «лакированными». Что же для тебя как для писателя является главным ориентиром?

- Главным ориентиром для меня является осознание того, что я все написал честно. Со своей позиции, естественно. И «Голодные призраки» - это первая книга, где я написал честно все, что я вижу, чувствую и знаю в жизни. Задача у политика и у настоящего амбициозного писателя одна и та же - власть. Естественно, разные методы и средства. Политик обязан сделать так, чтобы люди были подчиненной массой. Обязан, иначе он не сможет руководить. Если все будут клевые, умные, крутые, они после первой же промашки

явно прекрасно. Я не понимаю писателя, который мог сказать: «Красота спасет мир». Да, милый мой Федор Михайлович, мир - это и есть красота! А потому и не надо его спасать.

- Но ты сказал, что писатель тоже стремится к власти... Что это за власть? Зачем она?

- Вокруг себя я вижу очень много несчастных людей. Они угрюмые, мрачные, нищие, они не находят себе применения в жизни. Первая причина - невежество, другая - подавление инстинктов, третья - люди не знают себе цену и т.д. Моя цель,

привести потрясающий пример. Однажды мне принесли запись переговоров летчиков во время боя. Один из них уходил от немца. До сих пор, когда я вспоминаю эту запись, у меня слезы на глазах выступают. Идет сплошной мат, натуральный мужской мат в воздухе. Мальчишка лет 24 кричит: «Сергея... немец на спине б... убей его, убей его!.. убей его!!!» Треск, перестрелка, тишина. «Убил!.. С меня стакан, Серега!» Человек на краю пропасти, он знает, что его сейчас не будет, и этот страшный крик, когда голос срывается... Но

серы, которые были богами в гитлеровской Германии, после поражения рейхканцлера были вычеркнуты из истории. О них никто не вспоминал, ибо они были апологетами фашизма, служили тоталитарной системе. У нас же сегодня происходит обратное. Те, кто сознательно пропагандировал коммунистические идеалы, сегодня вновь проповедуют, что есть добро, используя при этом святейшее дело - искусство. К примеру (не называя фамилии), когда я смотрю сегодня на некоторых известных актеров, они, как и прежде, ассоциируются у меня только с коммунистическим кинематографом. Я все время вижу за их спинами портреты Брежнева.

- Но ты тоже жил и работал во времена Брежнева...

- Да, я ловил преступников, а не лукавил на бумаге. Этого я не делал никогда.

- У тебя, наверное, немало друзей работает в уголовном розыске. Общаешься ли ты с ними, насколько они помогают тебе в твоей писательской работе?

- Сам факт того, что я с ними общаюсь и что я, к примеру, знаю - вчера при задержании преступника они рисковали своей жизнью, сам факт того, что те ребята, с которыми я дружу, не берут взятку, - мне помогает. Слава Богу, еще есть люди, которые за достаточно маленькие деньги вкалывают только из-за того, что это их профессия. И они счастливы. Потому что классно делать свое дело - одна из главных составляющих счастья мужчин.

- Читая роман «Голодные призраки», мне показалось, что ты очень любишь главного героя...

- Я ему сопереживаю. Я очень отстранен в романе от происходящего и от этих людей: вот так это могло происходить, говорю я, если бы люди были освобождены от разного рода условностей.

- Мне показалось, что «голодными призраками» можно назвать всех героев твоих произведений.

- Возможно. Я нашел этот термин в буддизме - так называют неприкаянные души. «Голодными призраками» называют также маргиналов.

- Применимо ли к ним понятие «живой труп»?

- Нет. Труп все же труп. А призраки действуют. «Голодный призрак» - это человек, который не нашел себя, как 99 проц. людей в этой жизни.

- Твой роман имеет второе название - «Война и мир по Нехову». Ну с миром все понятно. Здесь ты, как говорится, обнаружил полное знание предмета. Мир людей, которых ты описываешь, тебе известен. Ты сталкивался с этим миром, проходя школу жизни в милиции. Хотя понятно, что немало дофантазировано и домыслено тобой - писателем. А тема

как писателя, добиться того, чтобы люди оценивали жизнь так же, как я, то есть чтобы они осознали, что жизнь фантастично привлекательна во всех своих проявлениях. Тогда мне с ними будет интересно.

- Разве? Зачем тогда писать, если все будет понимать тебя и послушова?

- Привожу пример. Я тебе предлагаю некое утверждение, а ты скажи, согласна с ним или нет. «Не каждый сексуально привлекательный мужчина талантлив, но каждый талантливый мужчина обязательно сексуально привлекателен».

- Согласно на 100 процентов!

- Замечательно! И мы на эту тему можем говорить с тобой долго, и нам будет интересно. Например, мы будем вместе восхищаться Оливером Стоуном и получать от этого удовольствие.

- То есть ты хочешь, чтобы все люди понимали друг друга, чтобы настала гармония?

- Безусловно. Хотя я знаю, что серьезно говорить об этом нелепо, потому что жизнь соткана из противоречий.

Война - это плохо? Это ужасно. Это безумие. Но в то же время война - это прекрасно. Работая в газете «Ленинское знамя», я вел тему Великой Отечественной войны. Сотни ветеранов прошли перед моими глазами за пять лет. И я убедился, что все они живут только прошедшей войной. Это самое счастливое время, которое было в их жизни. И не потому, что это - их молодость. А потому, что это была концентрация жизни. Они жили опасно. Помнишь фразу Ницше - «Живи опасно»? Могу

вот пилот спасен, и в голосе уже радость. Больше чем радость - удовольствие. Он теперь точно знает, какая это потрясающая штука - жизнь. Хорошее дело война или плохое? Противоречивое, как вся жизнь. Поэтому я и стремлюсь, чтобы люди во всех противоречиях жизни находили прекрасное.

- К кому из писателей ты чаще всего обращаешься? Есть ли такие, кого считаешь гением в литературе?

- Вообще из пишущих - Ницше. А из писателей гением считаю Маркеса. Гением с одной книгой - «Сто лет одиночества». Считаю гениальной и книгу Милорада Павича «Хазарский словарь».

Понимаешь, меня больше волнует не то, что писатель пишет, а как. И его отношение к тому, о чем он пишет. Поэтому я первым назвал Маркеса. Он к жизни относится с большой усмешкой. Это признак гения. А многие наши писатели всю жизнь думали и до сих пор думают, что мир можно и должно изменить или еще нелепее - спасти.

Писательство (литература) является, на мой взгляд, вершиной творческой деятельности человека. Потому что с помощью слова я могу передать музыку, нарисовать картину. С помощью слова я могу передать, выразить все человеческие эмоции. Поэтому к этой профессии стремятся все деятели культуры, артисты, режиссеры, композиторы, художники.

- Как ты относишься к нашей нынешней интеллигенции?

- Тема моей дипломной работы была связана с фашистской Германией. И меня потрясло, что, к примеру, режис-

серы, которые были богами в гитлеровской Германии, после поражения рейхканцлера были вычеркнуты из истории. О них никто не вспоминал, ибо они были апологетами фашизма, служили тоталитарной системе. У нас же сегодня происходит обратное. Те, кто сознательно пропагандировал коммунистические идеалы, сегодня вновь проповедуют, что есть добро, используя при этом святейшее дело - искусство. К примеру (не называя фамилии), когда я смотрю сегодня на некоторых известных актеров, они, как и прежде, ассоциируются у меня только с коммунистическим кинематографом. Я все время вижу за их спинами портреты Брежнева.

- Но ты тоже жил и работал во времена Брежнева...

- Да, я ловил преступников, а не лукавил на бумаге. Этого я не делал никогда.

- У тебя, наверное, немало друзей работает в уголовном розыске. Общаешься ли ты с ними, насколько они помогают тебе в твоей писательской работе?

- Сам факт того, что я с ними общаюсь и что я, к примеру, знаю - вчера при задержании преступника они рисковали своей жизнью, сам факт того, что те ребята, с которыми я дружу, не берут взятку, - мне помогает. Слава Богу, еще есть люди, которые за достаточно маленькие деньги вкалывают только из-за того, что это их профессия. И они счастливы. Потому что классно делать свое дело - одна из главных составляющих счастья мужчин.

- Читая роман «Голодные призраки», мне показалось, что ты очень любишь главного героя...

- Я ему сопереживаю. Я очень отстранен в романе от происходящего и от этих людей: вот так это могло происходить, говорю я, если бы люди были освобождены от разного рода условностей.

- Мне показалось, что «голодными призраками» можно назвать всех героев твоих произведений.

- Возможно. Я нашел этот термин в буддизме - так называют неприкаянные души. «Голодными призраками» называют также маргиналов.

- Применимо ли к ним понятие «живой труп»?

- Нет. Труп все же труп. А призраки действуют. «Голодный призрак» - это человек, который не нашел себя, как 99 проц. людей в этой жизни.

- Твой роман имеет второе название - «Война и мир по Нехову». Ну с миром все понятно. Здесь ты, как говорится, обнаружил полное знание предмета. Мир людей, которых ты описываешь, тебе известен. Ты сталкивался с этим миром, проходя школу жизни в милиции. Хотя понятно, что немало дофантазировано и домыслено тобой - писателем. А тема

тебе каким образом? Насколько я знаю, ты не воевал.

- Во-первых, я, как ты помнишь, не часто упоминал, что это война афганская, хотя термины афганской войны встречаются, вернее, встречаются мусульманские термины и имена. Ведь мы воевали не только в Афганистане, но и в других мусульманских странах. Да, на войне я не был. Но попытался передать ощущение войны потенциального воина. Удивительно, что мои знакомые ребята, воевавшие в Афганистане, прочитав роман, сказали: «Это, конечно, все неправда, но ощущение такое, что все именно так и было. Во всяком случае мы чувствовали так же и то же, что и твой герой».

Может быть, в этой части романа мне помогло то, что я очень люблю армию. Я родился в военной семье. Все мои родственники - деды, дядя, братья - военные, от полковника до генерал-полковника. Отец прошел войну от начала до конца. И я считаю, что армия должна вернуть свое элитарное значение, которое она утратила в годы советской власти.

- Немало страниц романа посвящено отношениям главного героя с женщинами, подробностям в оценках, в поведении, в чувствах. Может быть, потому что роман написан от первого лица, а может быть, потому что многое во внешнем описании Антона Нехова напоминает тебя, хочешь спросить - совпадает ли это с лично твоими мужскими оценками и пристрастиями?

- Где-то совпадает, где-то нет. Это все ситуативно. В одном эпизоде я чувствую, что надо рассказать о женщинах так, в другом - иначе. Хотя, конечно, в «Голодных призраках» много личного.

- Во второй части романа, казалось бы, внезапно среди главных героев появляется мальчик, тема которого и венчает все повествование.

- Главная тема всех любимых мною философов - совершенный человек. Мой главный герой нашел смысл жизни, свое истинное предназначение. Он может давать жизнь людям. Он рожден не умирать, а реанимировать, воскрешать из мертвых. Обладающий удивительными психофизическими способностями, мальчик - идеал жизни главного героя, человек будущего, совершенный человек. Нехов всю жизнь хотел управлять миром, собой, быть счастливым. Поэтому Нехов обязан был спасти мальчика, даже ценой собственной жизни.

- Можно ли сказать, что твой герой, пройдя все круги войны и мира, только благодаря встрече с этим мальчиком, спасая его, понимает, что такое жизнь, ее цену и бесценность?

- Вернее так, благодаря встрече с мальчиком он понимает, для чего он призван в этой жизни. Мальчик и Нехов - это два поколения, если хочешь, наше настоящее и будущее. Я когда-то прочитал, что с 1985 года начнут рождаться дети, которые смогут активнее и, что еще более важно, позитивнее влиять на этот мир, чем мы. И что именно это поколение приведет нашу страну к благоденствию и радости.

- Хочется верить в это.

Российские вести

ГОСТЬ «РВ»

Супермен - напротив

Рое. Вестч. - 1994 - 22 июля - с 4.
С Николаем Псурцевым я познакомилась раньше, чем с его книгами. На киномынке Каннского фестиваля был представлен новый фильм «Силуэт в окне напротив» по его сценарию. Самого Николая Евгеньевича можно скорее принять за кинозвезду, чем за известного писателя, чей четырехтомник вышел недавно в издательстве «Остожье». Когда я прочитала его книги, я поняла, что он похож на всех своих героев: и на Супермена, которым прославился, и на Крутого парня, и на Антона Нехова - главного героя нового романа «Голодные призраки». Во всяком случае - внешне. Во всяком случае, так мне казалось, когда я читала. По образованию Николай Псурцев - журналист (окончил МГУ). Но это образование его не удовлетворило, и он получил другое - в Московском уголовном розыске, где проработал несколько лет. Ни журналистика, ни МУР не сделали его счастливым, ибо счастье мужчины (здесь мы с Псурцевым единодушны) - прежде всего «классно делать свое дело». Николай стал писателем. Жанр детектива наиболее точно и ярко отражает его характер, творческий и человеческий стиль, писательское и жизненное кредо. Последние он разделяет с Ницше: «Живи - опасно». Я - не разделяю. Но мне очень хочется, чтобы рядом с нами все же были такие, как он, живущие опасно, творящие только по своим законам.

этого политика скинут и нового поставят. Для политика необходимо, чтобы его боялись. И для того, чтобы люди не поняли, что он дурак, должно быть много табу, условностей. Властители придумали одного Бога, чтобы подавлять народ. Секс запретили, ибо понимали, что секс - это раскрепощение. Семья должна быть, ячейка. Сами же властители меняли любовниц, они кайфовали от этой жизни. Но народу их способ жизни строже запрещен, ибо, если народ раскрепостится, он властителя тут же на вилы посадит.

Задача писателя, настоящего, - сделать всех свободными. Почему истинные художники всегда в оппозиции к власти? Они высвобождают инстинкт. Политики же задавливают его.

- Ты считаешь, что человек должен всегда следовать инстинктам?

- Если человек следует своему инстинкту, он никогда не нанесет себе вреда. Если человек следует инстинкту, он довольно быстро избавляется от приоритетов. Мне важно, чтобы люди не имели в жизни никаких приоритетов, приоритеты нужны политикам. Мою книжку из 10 человек понимают двое. Чтобы поняли все, не должно быть никаких приоритетов.

- Ты за анархию, за вседозволенность? Как можно жить без иерархии ценностей?

- Нет, я не против иерархии ценностей. Я против приоритетов ценностей. Согласись, это совсем не одно и то же. Я хочу, чтобы не было разницы между сексом и живописью. И то и другое - часть природы. И то и другое - неверо-

как писателя, добиться того, чтобы люди оценивали жизнь так же, как я, то есть чтобы они осознали, что жизнь фантастично привлекательна во всех своих проявлениях. Тогда мне с ними будет интересно.

- Разве? Зачем тогда писать, если все будет понимать тебя и послушова?

- Привожу пример. Я тебе предлагаю некое утверждение, а ты скажи, согласна с ним или нет. «Не каждый сексуально привлекательный мужчина талантлив, но каждый талантливый мужчина обязательно сексуально привлекателен».

- Согласно на 100 процентов!

- Замечательно! И мы на эту тему можем говорить с тобой долго, и нам будет интересно. Например, мы будем вместе восхищаться Оливером Стоуном и получать от этого удовольствие.

- То есть ты хочешь, чтобы все люди понимали друг друга, чтобы настала гармония?

- Безусловно. Хотя я знаю, что серьезно говорить об этом нелепо, потому что жизнь соткана из противоречий.

Война - это плохо? Это ужасно. Это безумие. Но в то же время война - это прекрасно. Работая в газете «Ленинское знамя», я вел тему Великой Отечественной войны. Сотни ветеранов прошли перед моими глазами за пять лет. И я убедился, что все они живут только прошедшей войной. Это самое счастливое время, которое было в их жизни. И не потому, что это - их молодость. А потому, что это была концентрация жизни. Они жили опасно. Помнишь фразу Ницше - «Живи опасно»? Могу

вот пилот спасен, и в голосе уже радость. Больше чем радость - удовольствие. Он теперь точно знает, какая это потрясающая штука - жизнь. Хорошее дело война или плохое? Противоречивое, как вся жизнь. Поэтому я и стремлюсь, чтобы люди во всех противоречиях жизни находили прекрасное.

- К кому из писателей ты чаще всего обращаешься? Есть ли такие, кого считаешь гением в литературе?

- Вообще из пишущих - Ницше. А из писателей гением считаю Маркеса. Гением с одной книгой - «Сто лет одиночества». Считаю гениальной и книгу Милорада Павича «Хазарский словарь».

Понимаешь, меня больше волнует не то, что писатель пишет, а как. И его отношение к тому, о чем он пишет. Поэтому я первым назвал Маркеса. Он к жизни относится с большой усмешкой. Это признак гения. А многие наши писатели всю жизнь думали и до сих пор думают, что мир можно и должно изменить или еще нелепее - спасти.

Писательство (литература) является, на мой взгляд, вершиной творческой деятельности человека. Потому что с помощью слова я могу передать музыку, нарисовать картину. С помощью слова я могу передать, выразить все человеческие эмоции. Поэтому к этой профессии стремятся все деятели культуры, артисты, режиссеры, композиторы, художники.

- Как ты относишься к нашей нынешней интеллигенции?

- Тема моей дипломной работы была связана с фашистской Германией. И меня потрясло, что, к примеру, режис-

серы, которые были богами в гитлеровской Германии, после поражения рейхканцлера были вычеркнуты из истории. О них никто не вспоминал, ибо они были апологетами фашизма, служили тоталитарной системе. У нас же сегодня происходит обратное. Те, кто сознательно пропагандировал коммунистические идеалы, сегодня вновь проповедуют, что есть добро, используя при этом святейшее дело - искусство. К примеру (не называя фамилии), когда я смотрю сегодня на некоторых известных актеров, они, как и прежде, ассоциируются у меня только с коммунистическим кинематографом. Я все время вижу за их спинами портреты Брежнева.

- Но ты тоже жил и работал во времена Брежнева...

- Да, я ловил преступников, а не лукавил на бумаге. Этого я не делал никогда.

- У тебя, наверное, немало друзей работает в уголовном розыске. Общаешься ли ты с ними, насколько они помогают тебе в твоей писательской работе?

- Сам факт того, что я с ними общаюсь и что я, к примеру, знаю - вчера при задержании преступника они рисковали своей жизнью, сам факт того, что те ребята, с которыми я дружу, не берут взятку, - мне помогает. Слава Богу, еще есть люди, которые за достаточно маленькие деньги вкалывают только из-за того, что это их профессия. И они счастливы. Потому что классно делать свое дело - одна из главных составляющих счастья мужчин.

- Читая роман «Голодные призраки», мне показалось, что ты очень любишь главного героя...

- Я ему сопереживаю. Я очень отстранен в романе от происходящего и от этих людей: вот так это могло происходить, говорю я, если бы люди были освобождены от разного рода условностей.

- Мне показалось, что «голодными призраками» можно назвать всех героев твоих произведений.

- Возможно. Я нашел этот термин в буддизме - так называют неприкаянные души. «Голодными призраками» называют также маргиналов.

- Применимо ли к ним понятие «живой труп»?

- Нет. Труп все же труп. А призраки действуют. «Голодный призрак» - это человек, который не нашел себя, как 99 проц. людей в этой жизни.

- Твой роман имеет второе название - «Война и мир по Нехову». Ну с миром все понятно. Здесь ты, как говорится, обнаружил полное знание предмета. Мир людей, которых ты описываешь, тебе известен. Ты сталкивался с этим миром, проходя школу жизни в милиции. Хотя понятно, что немало дофантазировано и домыслено тобой - писателем. А тема

ГОСТЬ «РВ»

Каждый талантливый мужчина сексуально привлекателен